

ИВ. БУНИНЪ

КРЕЩЕНСКАЯ НОЧЬ

Темный ельникъ снѣгами, какъ мѣхомъ,
Опушили сѣдые морозы,
Въ блестяхъ инея, точно въ алмазахъ,
Задремали, склонившись. березы.

Неподвижно застыли ихъ вѣтки,
А межъ ними на снѣжное лоно,
Точно сквозь серебро кружевное,
Полный мѣсяць глядитъ съ небосклона.

Высоко онъ поднялся надъ лѣсомъ,
Въ яркомъ свѣтѣ своемъ цѣпенѣя,
И причудливо стелятся тѣни,
На снѣгу подъ вѣтвями чернѣя.

Замело чащи лѣса мятелю, —
Только вьются слѣды и дорожки,
Убѣгая межъ сосенъ и елокъ,
Межъ березокъ до ветхой сторожки.

Убаюкала вьюга сѣдая
Дикой пѣснейю лѣсъ опустѣлый,
И заснулъ онъ, засыпанный вьюгой,
Весь сквозной, неподвижный и бѣлый.

Спятъ таинственно стройныя чащи,
Спятъ, одѣтыя снѣгомъ глубокимъ,
И поляны, и лугъ, и овраги,
Гдѣ когда-то шумѣли потоки.

Тишина, — даже вѣтка не хрустнеть!
А, быть можетъ, за этимъ оврагомъ
Пробирается волкъ по сугробамъ
Осторожнымъ и вкрадчивымъ шагомъ.

Тишина, — а, быть можетъ, онъ близко...
И стою я, исполненъ тревоги,
И гляжу напряженно на чащи,
На слѣды и кусты вдоль дороги.

Въ дальнихъ чашахъ, гдѣ вѣтви и тѣни
Въ лунномъ свѣтѣ узоры сплетаютъ,
Все мнѣ чудится что-то живое,
Все какъ будто звѣрки пробѣгаютъ.

Огонекъ изъ лѣсной караулки
Осторожно и робко мерцаетъ,
Точно онъ притаился подъ лѣсомъ
И чего-то въ тиши поджидаетъ.

Бриллиантомъ лучистымъ и яркимъ,
То зеленымъ, то синимъ играя,
На востокъ, у трона Господня,
Тихо блещетъ звѣзда, какъ живая.

А надъ лѣсомъ все выше и выше
Всходитъ мѣсяць, — и въ дивномъ покоѣ
Замираетъ морозная полночь
И хрустальное царство лѣсное!

Ив. Бунинъ